

ВОДЯНИЦА

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

Екатерина Шитова

Водяница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69864211

SelfPub; 2023

Аннотация

Смерть мамы перевернула привычную жизнь двенадцатилетней Гули. Родная бабушка, которую Гуля никогда прежде не видела, забирает ее к себе, в глухую деревушку Заозерье, где девочке предстоит учиться жить заново. Пытаясь найти друзей, Гуля сталкивается со странностями местной жизни – люди запираются в своих домах сразу же после захода солнца, ведь с наступлением ночи из темных глубин Черного озера выходят другие "жители" Заозерья... Мистическая повесть о крепости родственных связей, о хрупкости души и силе духа подростков, о дружбе и предательстве, и, конечно, о первой любви.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Екатерина Шитова

Водяница

Глава 1

В этой истории все началось со смерти. У Гули умерла мама. Случилось это неожиданно и от того страшно. Еще утром она была дома – сушила феном волосы, красила губы сливовой помадой, стоя перед зеркалом в прихожей, варила Гуле макароны на обед. А потом мама, как всегда, нарядная и густо надушенная, пошла на работу и... попала под машину.

Гуля десятки раз пыталась представить этот момент, но не могла, не складывалась у нее в голове эта картинка. Мама всегда была осторожной и аккуратной, она и Гулю учила этому – осторожности и аккуратности. И что же? Получается, все это было ни к чему? Тысячи людей в мире ежеминутно перебегают дорогу в неположенных местах, а мама переходила дорогу по пешеходному переходу, и ее сбила машина. Как? Почему? За что?

Когда Гуля узнала об этом, она даже не заплакала, просто сильно удивилась. А когда в их квартиру пришли незнакомые женщины, представившись работниками органов опеки, она разозлилась, взяла на руки Снежка, свою маленькую беспородную собачонку, лохматая белая шерсть которой торча-

ла в разные стороны, и закрылась в своей комнате. Они с мамой обе не очень-то любили гостей, привыкли быть вдвоем.

Отца у Гули не было, мама рассказывала, что он когда-то давно уехал в сложную и опасную экспедицию, да так и не вернулся. Гуля не знала, правда это или нет, но особо не грустила без папы, потому что мама всегда была рядом. Она была ее лучшей подругой, ее главным советчиком, ее единственным авторитетным взрослым. И вот ее не стало. Гуля уже была не маленькая, она знала, что иногда так бывает, в жизни случаются разные потери, но она никак не могла поверить, что именно сегодня потеря случилась с ней.

Время в день маминой смерти текло медленно. Женщины из опеки о чем-то шептались вполголоса на кухне, ходили туда-сюда, стучали и скреблись время от времени в запертую дверь, звали Гулю по имени. Гуля не откликалась. Она ходила из угла в угол, гладила поскуливающего Снежка, передвигала с места на место своих коллекционных кукол, подходила к трюмо и внимательно рассматривала свое бледное, серьезное лицо. Ее темные, короткие волосы были растрепаны, но сегодня можно было не расчесываться. Какая разница, как она выглядит? Все равно мама уже не скажет ей, что она похожа на домовенка Кузю. А на мнение остальных ей было наплевать.

Гуля несколько раз подходила к окну и смотрела, как ее подружки сидят на качелях во дворе и обсуждают что-то взволнованными голосами, эмоционально жестикулируя.

Может, они говорили о смерти ее мамы и о том, что Гуля больше не выйдет с ними гулять, потому что ее отправят в интернат для сирот? Наверное, так и есть... Она на их месте так бы и сделала – обсудила бы с выпученными глазами все подробности случившегося. Как жаль, что она не на их месте! Гуля прижала лицо к стеклу и скорчила смешную рожицу. Девочки криво улыбнулись и помахали ей рукой, но она не стала махать им в ответ.

Когда в комнату к Гуле проникло оранжевое закатное солнце, она загрустила. В это время, обычно, мама возвращалась с работы. Гуля встречала ее во дворе со Снежком, и потом они вместе поднимались по лестницам на пятый этаж. «Ходить по лестницам надо пешком, чтоб не отрос лишний жирок», – так всегда говорила мама, отпирая дверь длинным ключом. Мама вообще была веселая по жизни и часто шутила. Несмотря на то, что ей иногда приходилось несладко.

Сегодня мама не вернется с работы, не расскажет Гуле новый забавный случай, произошедший на работе. Ее не нужно встречать во дворе. Она вообще никогда больше не придет ни в их двор, ни в Гулину жизнь. Мама умерла. Гуля шептала эти слова, и ее снова и снова обжигало осознанием случившейся трагедии. Она села на пол, взяла Снежка на руки и прошептала в его мохнатое ухо:

– Как же мы теперь будем без мамы-то?

Снежок лизнул Гулю в нос теплым, шершавым языком, но сейчас ее это не рассмешило. Что-то большое и черное росло

в ее душе, поднималось к самому горлу, отражалось в глазах.

В дверь Гулиной комнаты снова постучали.

– Уходите! Я не выйду! Я не поеду с вами! – закричала Гуля.

Как же надоели эти тетки из опеки! Десятый раз они пытались выманить Гулю из комнаты. Она прислонила ухо к двери, чтобы послушать, что на этот раз они ей скажут, но из коридора вдруг послышался совсем другой голос – тихий, вкрадчивый, он принадлежал кому-то чужому, незнакомому.

– Гуля, открой. Это я, твоя бабушка Евдокия. Я приехала за тобой. Давай знакомиться. Можешь звать меня баб Дусей.

Гуля отпрянула от двери, округлила от удивления глаза. Какая еще бабушка Евдокия? Какая еще баб Дуся? У Гули перед глазами возникло худое, печальное лицо женщины, которую она видела только на старой черно-белой фотографии в мамином фотоальбоме. Фотография не была вклеена на картонную страницу вместе с другими, а лежала, спрятанная под кожаную обложку. На обратной стороне фото простым карандашом было небрежно написано “мама”.

Евдокия была мамой ее мамы, Гулиной бабушкой, которую она никогда в жизни не видела. Вот только... У Гули внутри все напряглось и похолодело. Она снова подошла к двери, прислонилась к ней ухом.

– Ты же умерла много лет назад, – растерянно проговорила девочка.

За дверью послышался тревожный шепот.

– Тебе твоя мама так сказала? – баб Дуся вздохнула и цокнула языком, – Вот они, обиды-то, к чему приводят.

Баб Дуся помолчала немного, а потом заговорила громче.

– Что поделать, мамка твоя была упрямой, как ослица. Вечно, что в голову себе вобьет, с тем уж не поспорить. Разобиделась да и вычеркнула меня из своей жизни, будто я и вправду умерла.

– Так ты все это время живая была, что ли? – растерянно спросила Гуля, и в душе у нее затеплилась надежда.

– Конечно, живая! Стою у твоей двери живехонька!

Гуля вздохнула с облегчением. Жить с родной бабушкой будет гораздо лучше, чем в интернате. Интернат для сирот представлялся Гуле той же самой тюрьмой – с двухъярусными койками и решетками на стенах. Ребята во дворе рассказывали, что в интернате головы бреют налысо, чтобы вши не разводились! Гулю часто раздражали ее пышные, непослушные кудри, но бриться налысо она точно не хотела!

– Может, хватит уже переговариваться сквозь стенку? Открой! Сама увидишь, что я жива и здорова, – нетерпеливо воскликнула баб Дуся.

Гуля сдвинула вправо защелку и осторожно выглянула из-за двери. Баб Дуся в упор посмотрела на нее. Она была невысокого роста, худая, но крепкая, жилистая. И она вовсе не была похожа на древнюю старушеницу, которую уже успела представить себе в голове Гуля. Седые волосы баб Дуси бы-

ли аккуратно уложены в пучок на затылке, лицо, покрытое сеточкой морщин, было все еще красивым и выразительным. Да и в целом, выглядела она бодро и моложаво для бабушки.

Несколько мгновений баб Дуся внимательно рассматривала внучку, которую видела впервые в жизни, потом обняла ее за плечи и прижала к своей жесткой груди. Гуля уткнулась в черное старомодное бабушкино платье, пропахшее сухой пижмой и нафталином, потом обхватила ее длинными, тонкими руками и не выдержала, разревелась. Человек может долго носить в себе слезы, но стоит его искренне пожалеть, и они тут же прорвутся наружу. Горячие капли без остановки катились из глаз Гули, падали на бабушкино платье. Гуля судорожно всхлипывала и завывала, оплакивая свое великое горе.

– Поплачь, девочка моя, не держи в себе! Проплакаться обязательно надо, иначе боль на душе черным камнем ляжет, – неожиданно мягким голосом проговорила баб Дуся.

Гуля рыдала все сильнее и сильнее. Вскоре ее жалостливые вопли стали разноситься на всю квартиру.

– Может, скорую вызовем? Вколют ей успокоительное, полегче станет. Все-таки такое потрясение для неокрепшей психики! – неуверенно предложила женщина из опеки.

Баб Дуся строго взглянула на нее, непрерывно глядя Гулю по растрепанным волосам, потом достала из кармана своего платья бумажный сверток, сунула его в руки женщине и сказала.

– Чем ребенка химией травить, иди на кухню да чай завари. Это травушки покойные. Гуля выпьет и уснет тут же крепким сном.

– Вы уверены, что ей такое можно давать? – недоверчиво спросила женщина, разворачивая сверток, в котором захрустели сухие травы.

– Нужно! – баб Дуся строго зыркнула на обеих женщин, – Тут всего-то озерная сон-трава да таволга. Специально с собой взяла, знала, что пригодятся. Лучше этих трав ничто не успокаивает.

Женщина пожалала плечами, понюхала сухие травы и пошла на кухню ставить чайник.

Через час Гуля крепко спала. Ее напоили травами, а когда она уснула, Баб Дуся укрыла ее теплым пледом и вошла на кухню к женщинам.

– Значит, точно решили, Евдокия Андреевна? Забираете девочку к себе? – устало спросила та, у которой был вечно растерянный взгляд.

– Забираю, – уверенно ответила баб Дуся, – дом у меня большой, добротный, огород ухоженный. Козы, куры – молоко, яйца, все свое. Проживем.

Женщины дали ей на подпись бумаги, и, наконец-то, ушли. А баб Дуся вошла в спальню к Гуле, села на край кровати и долго сидела так в темноте, уставившись в окно, за которым мигал огнями ночной город. Снежок, спящий в ногах Гули, внимательно смотрел на незнакомую женщину и

тихонько рычал. Баб Дуся взглянула на пса и положила ладонь ему на голову.

– Ну-ну, не рычи, будь смирным! А будешь мешаться – я тебя быстренько приструню!

Снежок перестал рычать, заскулил тихонько и положил морду на лапы.

Гуля почти не запомнила похороны. Все смешалось в ее голове в нелепую черно-белую круговерть. Бабушка поила ее успокоительными травами, и ей все время хотелось спать, в голове вместо мыслей болтался густой кисель. Очнулась она, когда баб Дуся повезла ее в деревню, в которой прожила всю свою жизнь. Деревня называлась Заозерье. Гуля там ни разу не была, но по рассказам мамы, она знала, что Заозерье было глухоманью, в которой из двадцати домов жилых было всего четыре или пять. Гуля не хотела раньше времени думать о том, чем она будет заниматься в этой глуши, где нет ни друзей, ни магазинов, ни кинотеатра, ни библиотеки, куда она ходила в городе раз в неделю. «Все равно, так лучше, чем в интернате,» – думала она.

Гуля смотрела в окно старого автобуса и крепко прижимала к себе Снежка, который тихо поскуливал от того, что не любил ездить в транспорте. На глаза Гуле то и дело накатывали горячие слезы, она вытирала их краем рукава. Баб Дуся иногда поглядывала на нее, гладила по коленке и шептала на ухо: “Ну-ну, не грусти, Гуленька, скоро уж приедем. Позна-

комлю тебя со своей упрямой козой Вишенкой”.

Но автобус все ехал и ехал по ухабистой дороге, которая без конца виляла то вправо, то влево. Немногочисленные пассажиры подскакивали на каждой кочке, ворчали себе под нос и устало вздыхали. В автобусе сидели одни старики, некоторые из них посматривали на Гулю с любопытством, словно ей среди них было не место. Гуля и сама чувствовала себя так, будто она пришла на пенсионерскую встречу без приглашения.

За окнами автобуса мелькали деревья, лес тянулся бесконечным зеленым полотном, изредка уступая место зеленеющим полям, извивающимся, словно змеи, речкам и озерам причудливых форм, а потом лес снова поглощал собою все пространство. Гуле природа вокруг казалась мрачной и пугающей. В городе было светло и днем и ночью, шумно от людей и машин, а в лесу было сумрачно, тихо и одиноко. Когда на Гулю накатила очередная тоска по матери, она сжала зубы и уткнулась лицом в лохматую шерсть Снежка.

– Все будет хорошо, Снежок. Мы как-нибудь с тобой справимся, привыкнем, правда же? – прошептала девочка, успокаивая пса.

На самом деле, она пыталась тем самым успокоить саму себя. Это очень грустно и очень страшно – потерять самого родного человека в двенадцать лет, а вместе с ним потерять и все свое привычное и родное, даже само детство...

Мотор старого автобуса вдруг натужно закричал, а через

пару секунд заглох. Водитель неприлично выругался, выскочил из кабины, открыл капот и стал что-то крутить там гаечным ключом. Целый час до пассажиров долетали его эмоциональные матерные словечки. Гуля таких слов никогда прежде не слышала. За то время, пока автобус стоял, она успела погулять со Снежком по лесу и съесть сухарик, который ей сунула баб Дуся. Аппетита совсем не было, но бабушка заставила ее есть через силу.

Когда водитель, весь перепачканный мазутом, наконец, сел за руль и с третьей попытки завел мотор, со всех сторон раздались радостные возгласы стариков. Гуля посмотрела на баб Дусю – та сидела, выпрямив спину и с тревогой смотрела перед собой, лицо ее при этом было очень бледным и взволнованным. Гуля занервничала.

– Бабушка, с тобой все в порядке? – тихо спросила она.

Баб Дуся словно очнулась от забытья. Посмотрев на Гулю, она выдавила из себя улыбку и проговорила нарочито бодрым голосом:

– Все хорошо, Гуленька. Так, вспоминаю разное... Да все о маме твоей думаю.

Гуля отвернулась к окну и снова, уже в который раз, проглотила комок подступивший к горлу. Но хлынувшие из глаз слезы она остановить не могла – они покатались по ее щекам прозрачными каплями.

Заозерье встретило Гулю туманной прохладой. До конеч-

ной остановки они с баб Дусей ехали вдвоем – все остальные старики-пассажиры вышли раньше на странных остановках по требованию, где ничего, кроме леса, не было. Их с баб Дусей шофер высадил на автостанции в Заозерье, которая представляла собой деревянную будку с маленьким окошечком для продажи билетов.

– В следующий раз нескоро в вашу сторону поеду, Евдокия Андреевна. Бывайте!

Баб Дуся махнула шоферу рукой.

– То есть, у вас сюда автобусы редко ходят? – обеспокоенно спросила Гуля.

– Почти не ходят, нет надобности, – ответила баб Дуся, не глядя на Гулю.

Развернувшись, автобус уехал обратно, поднимая клубы пыли на пустой дороге. Гуля тут же оглянулась по сторонам и засмотрелась на большое озеро, раскинувшееся за деревней. Но баб Дуся не дала ей вдоволь полюбоваться видами. Она подхватила обе сумки – свою и Гулину и торопливо засеменила по дороге, усеянной коровьими лепешками.

– Не отставай, Гуля! Иди быстрее! Нужно успеть добраться до дома до темноты. Очень уж не вовремя сломался автобус! – с тревогой в голосе сказала она.

Гуле очень хотелось прогуляться по деревне, размять ноги после долгой дороги, но спорить с баб Дусей она не стала. Накинув на плечи рюкзак, она взяла на руки растерянного и слегка напуганного Снежка и побежала за бабушкой, ко-

торая уже свернула с широкой дороги на тропинку, идущую между старыми деревянными домами, большая часть которых была заброшена.

– Чегой-то ты, Дуся, так поздно по улицам бродишь?

Низкий скрипучий голос донесся со двора, заросшего кустами смородины. Он принадлежал маленькой, сгорбленной старухе.

– А тебе-то что, Галина Петровна? – недружелюбно буркнула в ответ баб Дуся.

– Да ничего, интересно просто! Привезла к нам, что ль, кого?

Баб Дуся махнула рукой в сторону Гули.

– Внучку из города привезла, – крикнула она, не замедляя шага.

– Внучку? Ну и ну! Такую молоденькую – и к нам? Заскучает поди, – ответила старуха, глядя им вслед.

– У нас скучать некогда! – ответила баб Дуся и помахала соседке рукой на прощание.

Снежок гавкнул на старуху, и та, махнув на него рукой, скрылась в своем покосившемся доме.

Гуля и баб Дуся дошли до дома как раз за несколько минут до того, как темнота накрыла деревню – как будто на маленькие, неказистые домики кто-то взял и набросил сверху темное покрывало. Баб Дуся бросила сумки на пол, торопливо заперла дверь изнутри на массивный железный засов и только тогда облегченно вздохнула. Снежок тут же принялся

обнюхивать новое место. Он еще не понял, что это его новый дом. Да и Гуля сама пока что этого не поняла.

Пока она снимала свой рюкзак и развязывала шнурки на кедах, баб Дуся успела обойти комнаты и плотно задернуть все занавески на окнах. После этого она зажгла две керосиновые лампы, одну оставила на кухне, а другую отнесла в маленькую комнатушку, откуда крикнула Гуле:

– Тут будешь жить, Гульнара! В этой комнатке когда-то мамка твоя жила. Теперь вот ты будешь жить...

Гуля зашла в комнату и села на край аккуратно заправленной кровати, Снежок подбежал к ее ногам и лёг рядом, тихо поскуливая. Гулю вдруг накрыло чувство, которое часто возникает в душе, когда впервые оказываешься в незнакомом месте. Чувство неуютности – как тоска, только острее и неприятнее. Гуля обхватила себя руками. Еще чуть-чуть, и она разрыдалась бы, но от тяжелых мыслей ее отвлекла баб Дуся. Она принесла старое фото в деревянной рамке и поставила его на тумбу рядом с кроватью. С фотографии широко и беззаботно улыбалась девочка – щекастая, озорная, с двумя растрепанными косами.

– Мамка твоя! – сказала баб Дуся, – такая озорница была! "Шило в попе" – так ее называли в детстве. Я ей в тот день говорю, мол, Галенька, фотограф придет, будет тебя снимать, не носись, как конь, по двору да платье новое побереги! Так она по двору-то носиться не стала, ушла тайком с ребятами на поляну, и там до того они разыгрались, что пришла она

домой, а весь подол-то у нового платья рваный. Пришлось фотографу ее только по пояс снимать. Попало ей, конечно, от меня тогда!

Баб Дуся уставилась в пол, лицо ее сделалось грустным и задумчивым. Гуля накрыла ее морщинистую руку своей рукой и проговорила:

– Интересно ты, бабушка, рассказываешь. Мама мне почти ничего о своем детстве не говорила.

– Потом еще расскажу, теперь уж поздно, спать пора, – тихо сказала баб Дуся, – ох, Галенька моя, Галенька...

Гуля выждала пару минут, в течение которых баб Дуся горестно вздыхала и вытирала слезы, а потом спросила:

– За стенкой твоя комната?

– Моя. Но она всегда заперта. Не ходи туда, Гуленька. Я и мамке твоей туда ходить не разрешала. Я молюсь часто, у меня там иконы, свечи, ничего интересного. Не люблю, когда их трогают.

Гуля кивнула и усмехнулась про себя: “Бабушка-то, видеть, со странностями!”

Баб Дуся встала и ушла на кухню, оставив Гулю одну. Какое-то время девочка задумчиво рассматривала потемневший от времени потолок. Потом взгляд ее скользнул по стенам, оклеенным желтыми обоями с незамысловатым рисунком. Когда-то ее мама смотрела на них. Она попыталась представить маленькую девочку с густыми каштановыми косами – Галеньку. Наверное, она так же, как Гуля сейчас,

смотрела перед сном на извилистые линии и плавные переходы этого узора. Интересно, была ли она здесь счастлива? Было ли ей здесь спокойно и хорошо? Гулю немного утешала та мысль, что она теперь будет спать в маминой кровати. Может, когда-нибудь, она сможет почувствовать себя здесь, как дома?

– Ну вот, Снежок, это теперь наш дом. Привыкай, – прошептала Гуля и потрепала пса за ухом.

Снежок посмотрел на хозяйку, повел ушами и внезапно бросился прочь из комнаты с громким лаем.

– Снежок! Ты куда? – крикнула Гуля и выбежала за ним. Но пес не унимался, лаял и лаял, прыгая передними лапами на запертую входную дверь.

– Он кого-то почуял за дверью, бабушка. Может, кошку? – сказала Гуля, – Я выйду с ним во двор, выгуляю его, заодно подышу воздухом.

Она уже собиралась отодвинуть тяжелый засов, как вдруг баб Дуся схватила ее за руку.

– Нет! – воскликнула она, и в глазах ее промелькнула тревога, – Нет там никаких кошек! Пес твой просто устал в дороге, вот и тявкает зазря. Да и ты сама устала, Гуленька. Обои-м вам пора спать.

Гуля растерянно посмотрела на дверь, а баб Дуся в это время сунула сухарик Снежку в пасть.

– Ешь-ешь! Не тывкай больше! – приказала она псу. Снежок с аппетитом съел лакомство, вернулся в комнату,

запрыгнул на Гулину кровать и свернулся калачиком. Девочка удивленно наблюдала за ним. Обычно, Снежок не проявлял такого послушания.

– Ладно, я, пожалуй, тоже лягу спать, бабушка, – тихо сказала Гуля.

– Иди выпей молока с хлебом, а потом уж ложись, – сказала баб Дуся и поставила на стол стакан молока.

Гуле не хотелось пить молоко, но бабушка так строго посмотрела на нее, что она села за стол и сделала маленький глоток. Молоко было густым и странным на вкус, как будто прокисло. Гуля сморщилась.

– Пей! Это козье, к нему просто привыкнуть надо.

Кое-как допив стакан молока, Гуля легла в кровать, укрылась с головой одеялом и вскоре уснула. Девочка спала и не видела, как баб Дуся подошла к ней, спящей, наклонилась и внимательно присмотрелась к ее лицу. Убедившись, что Гуля крепко спит, она подошла к окну и отодвинула в сторону плотную занавеску.

Ночь над Заозерьем стояла черная-черная и густая, точно овсяный кисель. Баб Дуся прищурилась, всматриваясь в непроглядную тьму, как будто хотела разглядеть там кого-то. А потом улыбнулась и проговорила:

– Она спит. Заходи уже, не стой под окном...

Глава 2

Гуля проснулась от назойливого жужжания над ухом. Открыв глаза, она увидела большую муху, кружащую под потолком. Деревянные створки были открыты, муха сделала еще несколько кругов по комнате и вылетела в окно. Девочка протерла глаза и позвала Снежка. Все четыре года, с тех пор, как мама подарила ей Снежка на день рождения, Гуля первым делом с утра обнимала его за шею и желала ему хорошего дня. Снежок был ее лучшим другом. Поэтому теперь она удивилась, что он не смотрит на нее своими преданными глазами, не скулит, радуясь тому, что она, наконец, проснулась. Ей даже стало не по себе от этого.

– Проснулась, Гуленька? Долго же ты спала! Пес-то твой давным-давно на улицу убежал! – баб Дуся широко и радостно улыбнулась, заглянув к Гуле в комнату.

– Как на улицу? Один? – обеспокоенно спросила Гуля, – Бабушка, зачем ты его отпустила, он же потеряется!

Баб Дуся громко рассмеялась.

– Где ж ему здесь теряться? Три улицы да десяток домов! Не в лес же он побежит!

Гуля быстро натянула шорты и футболку и выбежала во двор. Бабушкины овцы, испугавшись ее, побежали в разные стороны, громко бляя. Снежок спокойно лежал возле крыльца, вытянув лапы на солнце. Вид у него был спокойный и

счастливый. Увидев Гулю, он поднял голову и лениво помахал хвостом. Казалось, Снежок уже вполне освоился в деревне и привык к здешней жизни, в отличие от Гули.

– Снежочек! Миленький! Я же потеряла тебя! – Гуля присела рядом с псом и обняла друга за шею, – никуда не убегай со двора. Понял?

Пес лизнул хозяйку в лицо и сильнее завилял хвостом.

– Хорошего тебе дня, любимка, – улыбнулась Гуля.

– Ну вот, убедилась? А теперь иди умывайся и завтракать! Умывальник вон там, у сарая висит! – крикнула баб Дуся, наблюдавшая за Гулей с крыльца, – Зря только распереживалась. Не дурак же твой пес! Больно ему нужно бежать куда попало!

Гуля пошла к сараю умываться. Проходя мимо калитки, она заметила, что та открыта.

– Бабушка, а почему калитка открыта? Вчера же закрывали!

– Так я Вишенку на поле гоняла, вот и не прикрыла. У меня, Гуленька, утро-то ранехонько начинается! К десяти часам я уже сто дел успеваю переделать. Эх ты, горожаночка моя!

Баб Дуся улыбнулась, а Гуля подошла к открытой калитке и закрыла ее, чтобы Снежок уж точно не выбежал со двора. Еще раз погладив пса, Гуля быстро умылась и почистила зубы, а потом вошла обратно в дом, где с кухни уже доносился запах блинов.

Несколько дней Гуля осваивалась в доме баб Дуся. Она снова и снова обводила глазами свою комнату и кухню, пытаясь скорее привыкнуть к новой обстановке. Старые обои, пожелтевшие газетные вырезки на стенах, герань на узких подоконниках, громко тикающие часы со сломанной кукушкой, выцветшие половики на полу, несколько старых фотографий, на которых смеющаяся, молодая баб Дуся стоит под руку с жизнерадостным мужчиной – Гулиным дедушкой.

Только одно место в доме оставалось для девочки загадочной – бабушкина комната. Дверь туда всегда была плотно закрыта. Баб Дуся несколько раз в день уединялась там и молилась в одиночестве. Гуля из любопытства прижимала ухо к двери и слушала монотонный бабушкин голос, но слов разобрать не могла. Когда бабушка молилась, ее нельзя было тревожить, она заранее предупредила об этом Гулю.

Несколько раз девочка принималась плакать по маме, уткнувшись лицом в подушку, чтобы баб Дуся не слышала. Она по-прежнему сильно тосковала. Чтобы отвлечь себя, Гуля начала читать книгу, которую бабушка достала для нее из своего сундука. Книга была старая, с выцветшей обложкой, и представляла собой сборник рассказов о природе. Баб Дуся, смахнув пыль с обложки, сунула ее Гуле в руки и сказала: «Читай, Гуленька, ты сейчас деревенская, тебе полезно больше о природе знать!» Гулю подобные книги совсем не привлекали, поэтому чтение долгое время не продвигалось

дальше первой страницы.

Как-то после обеда Гуля вышла во двор. Бабушка как раз кормила там овец. Гуля поиграла со Снежком, а потом облокотилась на забор, восторженно любуясь озером. Воды его синели, отражая, словно зеркало, насыщенный цвет неба, блестели и переливались на солнце. Захотелось искупаться, но купальника не было, Гуля взяла с собой в деревню только самое необходимое из вещей.

– Озеро наше зовется Черным, – тихо сказала баб Дуся, подходя сзади к Гуле, – К нему лучше не ходи. Нехорошее оно, злое. Много людей погубило, на дно утянуло.

– Да? А кажется очень красивым, – проговорила Гуля.

– В том-то и дело, что в жизни нам много чего кажется, – баб Дуся строго взглянула на Гулю, – кажется-то одно, а на самом деле выходит совсем другое.

– Почему ваша деревня называется Заозерье? Что там, на другом берегу, за лесом? – спросила девочка.

Бабушка пожала плечами, небрежно махнула рукой, указывая куда-то вдаль.

– Тоже разные села и деревеньки, ничего интересного.

Гуля смотрела на озеро, у нее вдруг снова стало тяжело на душе. Баб Дуся, заметив, что девочка снова загрустила, торопливо заговорила:

– Пойду Вишенку проверю да к соседке Томе загляну, проведаю ее. Пойдем-ка со мной? – баб Дуся погладила Гулю по голове.

– Нет, бабушка, я тут побуду, со Снежком поиграю. Не хочется мне сегодня никуда идти, – ответила Гуля, смахнув рукой слезинки, выступившие на глаза.

Баб Дуся внимательно посмотрела на внучку, потрепала ее по плечу и сказала тихо:

– Погрусти, голубушка, потоскуй, милая. Грусть-то и тоску нужно обязательно выплакать, чтоб камня на душе не было. Так легче будет. А если что вдруг тебе понадобится, я вон там, в доме на пригорке буду, там Тома живет.

Гуля кивнула и села на нижнюю ступеньку крыльца, наблюдая, как бабушка быстро идет по тропинке к старому дому на пригорке. Когда ее серый платок, накинутый на плечи, скрылся в густой зелени кустов и деревьев, Гуля встала и принялась бродить по двору. Возле бабушкиного дома располагался небольшой огородик – ровные грядки были тщательно прополоты и политы. Видно, баб Дуся, и вправду, с утра успела переделать кучу дел. Гуле вдруг стало стыдно, что она не помогла ей. Завтра она обязательно встанет пораньше и поможет.

Обойдя огород, Гуля заглянула в приоткрытую дверь маленького покосившегося сарайчика. Внутри было темно, душно, на стенах висели старые, заржавевшие лопаты, грабли и тяпки, на полу лежало терпко пахнущее сено. Сквозь щели в тонких деревянных стенах внутрь сарайчика сочилось солнце, и в его лучах кружились многочисленные пылинки. Гуля вошла внутрь и стала ловить пылинки руками,

она так делала, когда была малышкой, а еще специально прыгала на кровати, чтобы пылинки взмывали в воздух. Это было похоже на настоящее волшебство!

Воспоминания снова нахлынули на нее, но она сжала кулаки и проглотила очередные подступающие к глазам слезы. Взгляд ее внезапно упал на сложенную в углу стопку картин в деревянных рамах. Она подошла ближе, взяла в руки одну из них, стряхнула с полотна толстый слой пыли и с удивлением обнаружила, что это икона. Несколько старинных икон лежали в сарае, словно ненужный хлам. Краска на рамах облупилась, и сами иконы были в плачевном состоянии. Гуля удивилась, ведь бабушка сказала ей, что молится в своей комнате. Почему же она сложила здесь все эти иконы? Разве они не нужны ей?

У крыльца громко залаял Снежок, и Гуля вздрогнула от неожиданности, уронила икону на пол. Быстро подобрав и положив ее на место, она выбежала из сарая. У калитки стояла старушка в цветастом платье, и ее пронырливый взгляд сновал туда и сюда по двору. Снежок напрыгивал передними лапами на калитку и заливался лаем.

– Здравствуйте, – нерешительно произнесла Гуля.

– Ты, что ли, Дусина внучка? – прокричала старушка на всю улицу.

– Я, – ответила Гуля, пытаясь угомонить Снежка.

Старушка несколько раз обсмотрела девочку с ног до головы, разве что в рот к ней не заглянула. Глазки у нее были

маленькие и премерзкие.

– Позови-ка мне Дусю, пусть мне соли отсыпет, сколь не жалко! – снова закричала женщина.

Сощурившись, она вновь и вновь пристально рассматривала Гулю с ног до головы.

– Бабушка Дуся ушла к соседке Томе. Но соли я вам сейчас сама отсыпаю, думаю, она не будет против, – сказала Гуля.

– Не будет, не будет. На прошлой неделе у меня стакан муки занимала, до сих пор не вернула! – ворчливым голосом произнесла старушка.

Она вынула из седой шевелюры полукруглый гребень и зачесала им свои редкие волосы назад. Гуля взяла Снежка на руки и пошла с ним в дом за солью.

– Руки-то после собаки хоть вымой прежде чем мне соль сыпать! – прокричала ей вслед старушка.

Когда Гуля, спустя пару минут, вынесла из дома кулек соли, старуха взяла его, недовольно поджала губы и, еще раз недружелюбно зыркнув на Гулю, ушла восвояси. А Гуля вернулась домой, села на кровать и взяла в руки книгу. От волнения она никак не могла уловить суть прочитанного и перечитывала одну и ту же строчку не один десяток раз. Спустя час домой вернулась баб Дуся. Она сунула Гуле под нос ароматный пучок.

– Мяту нарвала у Томы. У моего-то дома никак мята не растет. А у Томки, как сорняк – все кругом в мяте.

– Мне мама говорила, что мята все плохое и нечистое отгоняет, – сказала Гуля.

Баб Дуся улыбнулась. Улыбка у нее была добрая, в глазах играли маленькие искорки.

– Да так можно про каждую траву сказать, Гуленька. Все травушки что-то да отгоняют. Насчет нечисти мамка твоя, скорее всего, выдумала, а вот то, что мятушка душевную хворь прогоняет из человека, если ее пить по стакану в день, вот это я точно знаю, поэтому и нарвала для тебя целую охапку.

Баб Дуся поставила на стол маленький заварочный чайник, весь в темных разводах, со сколом на узком горлышке.

– Вот сейчас кипяточком залью, настоится и будем с тобой пить чай.

Гуля кивнула, а потом, вспомнив о сегодняшней гостье, сказала:

– К тебе бабка какая-то приходила. Злая и ворчливая. Я ей соли отсыпала, она попросила.

Баб Дуся причмокнула губами и недовольно нахмурилась.

– Анастасийка, наверное, с соседней улицы. Про муку-то свою, небось, опять спрашивала? – в голосе ее прозвучала насмешка.

– Угу, – промычала Гуля и улыбнулась.

– Надо было ей в рожу солью кинуть, чтоб она сюда больше не таскалась! – с хитрой улыбкой проговорила баб Дуся, – вот мука будет, отдам ей долг и все выскажу, что о ней ду-

маю! Зараза такая! Еще что-то она у тебя спрашивала?

– Нет, – ответила девочка, – только смотрела на меня, как на диковинку. Все тут на меня как-то странно смотрят.

– Ну, не каждый день к нам в Заозерье гости приезжают, вот и смотрят. Ничего, через неделю привыкнут, – успокоила Гулю баб Дуся.

Гуля села за стол, наблюдая за проворными движениями бабушки. Снежок, обнюхав платье баб Дуси, улегся под столом, положив голову на лапы.

– Бабушка, а вот ты мне говорила, что в своей комнате молишься. А ты правда веришь в Бога? – неожиданно спросила Гуля.

Бабушка обернулась и удивленно взглянула на нее.

– Верю, – ответила она, – а чего это ты об этом спрашиваешь?

Гуле вдруг стало стыдно за то, что она без разрешения осматривала сарай, но мама ей всегда говорила, что жить проще, когда все делаешь вовремя – говоришь, когда нужно говорить, спрашиваешь, когда нужно спросить, и молчишь, когда нужно молчать. Люди вечно путают все местами и, тем самым, усложняют себе жизнь. И Гуля собралась с духом и произнесла:

– У тебя иконы в сарае лежат. Я случайно увидела. Тебе разве они не нужны?

– Иконы?

Баб Дуся замешкалась, но лишь на пару секунд, а потом

произнесла уверенно:

– Ах, иконы! Так я их специально все из дома-то вынесла.

– Зачем? – искренне удивилась Гуля.

– Вера, она не в иконах, а в сердце.

Баб Дуся замолчала, уголки ее губ поползли вниз. Потом, видя пристальный и ждущий Гулин взгляд, она села на лавку и задумчиво вздохнула:

– Не знаю, поймешь ли ты...

– Я уже не маленькая, бабушка. Мама со мной всегда обращалась, как со взрослой.

Вспомнив о маме, Гуля вновь почувствовала, как ее тоска поднимается вверх со дна души. Видимо, лицо девочки стало таким несчастным, что баб Дуся тут же положила руку ей на плечо.

– Ладно, раз не маленькая, то расскажу коротенько.

Взгляд ее стал загадочным, она словно смотрела в самую себя, вспоминая то, что когда-то с ней произошло. А потом она заговорила тихо и медленно, делая паузы после каждого предложения:

– Давным-давно, когда мамка твоя была чуть старше, чем ты сейчас, проходил через наше Заозерье старец. Звали его Емельян. И вот попросился он ко мне на ночлег. Так уж вышло, что никто его в нашей деревне к себе не впустил, а мой-то дом был последним. На меня у него была последняя надежда. Ну я сжалилась, да и впустила его. Хотел Емельян в сарае на сене ночь спать, но я ему в кухне на лавке постели-

ла. Какой-никакой, а все равно человек, а не скотина. Одежда на Емельяне была вся изношенная и рваная, но глаза-то его были добрыми и внимательными. Я его по доброте душевной отогрела, накормила, напоила, да спать уложила. А ночью его одежду перестирала да заштопала.

Баб Дуся замолчала, задумчиво глядя в стену. И Гуля, не выдержав, спросила:

– И что потом?

Она вздрогнула, посмотрела на внучку и улыбнулась.

– А ничего. Просто порой, Гуля, вот такие обычные добрые дела по-особому награждаются. Оказался старец Емельян сильным колдуном. За мою доброту и бескорыстность он меня одарил тем, о чем я и мечтать не смела...

– Чем же? – с интересом спросила Гуля.

Баб Дуся поднялась с лавки и принялась разливать по чашкам ароматную мяту.

– Я тебе рассказать об том не могу, Гуленька, это секрет, – загадочно ответила она, – но это было мое самое большое желание, и колдун-то этот его взял и исполнил.

Баб Дуся поставила перед Гулей чашку и насыпала на блюдце мелких баранок, которые были такими твердыми, что об них можно было запросто сломать зубы.

– Ну и про иконы-то он мне сказал. Дескать, я деревяшкам разрисованным поклоняюсь. А истинная вера должна быть в сердце. Я тогда все иконы-то и убрала из дома.

Гуля задумчиво покачала головой.

– А мама говорила, что иконы наш дом защищают.

– Почти все так считают. Но не надо выдумывать то, чего нет.

Баб Дуся замолчала, задумалась, а потом губы ее расплылись в улыбке, и она воскликнула:

– Ой, Гуля, мамка твоя еще какая выдумщица была! В детстве-то чего только не выдумывала! Была даже у нее тетрадка такая, она туда всякие небылицы записывала. Даже страшилки какие-то там были.

Гуля с интересом посмотрела баб Дусе в лицо. Как бы ей хотелось посмотреть на эту мамину тетрадь!

– А где она теперь, эта тетрадка, бабушка? – спросила она.

– А кто ее знает! Не сохранилась. Может, потерялась, а может, по ошибке в печи сожгли!

Гуля расстроено вздохнула. Ей хотелось бы почитать мамины сочинения. Интересно, что она любила в ее возрасте, о чем думала, чему радовалась, чего ждала? Жаль, что этого уже не узнать.

Взяв с блюда баранку, Гуля опустила ее в чашку, чтобы та немного размокла.

Когда солнце начало садиться, баб Дуся закрыла калитку, заперла изнутри входную дверь и, как обчно, задернула занавески на окнах. Снежок ходил за ней по пятам, ждал, когда она его накормит. Гуля читала книгу, но с задернутыми занавесками в комнате стало слишком темно.

– Сейчас зажгу тебе лампу! – сказала баб Дуся и пошла за лампой.

Гуля закрыла книгу – читать все равно уже не хотелось.

– Бабушка, можно я во двор выйду? Спать еще рано, я лучше прогуляюсь немного со Снежком, – крикнула Гуля.

Баб Дуся торопливо вернулась в комнату с лампой в руках, и в ее лице Гуля заметила тревогу и смятение.

– Комаров что ли кормить пойдешь? – с наигранным ве­сельем спросила она, – У нас тут, Гуленька, комары по вечерам размером с воробья! Нападут – не отобьешься! Потом всю ночь чесаться будешь!

– Бабушка! Говорю же, я ненадолго – только вокруг дома пройду, – продолжала настаивать Гуля, – я ведь не маленькая, дорогу до дома знаю, так что не заблужусь. Мы с мамой часто вечером гуляли!

Баб Дуся тяжело вздохнула, присела на край Гулиной кровати и тихо проговорила:

– Нельзя тут после заката гулять.

– Почему? – удивилась Гуля.

Баб Дуся молчала, а Гуля искренне не понимала, что происходит, почему бабушка не выпускает ее вечером из дома.

– Ночи темные, фонарей у нас нет. Тебе только так кажется, что ты тут все уже знаешь, Гуленька. Тропок у нас много – уведут в лес и все, ищи-свищи! Заблудишься, где тебя искать?

Гуля не унималась. Ей казалось, что баб Дуся слишком уж

сильно за нее переживает.

– Бабушка, да я вокруг дома только похожу. Да и Снежок со мной, он-то уж точно не заблудится!

И тут за дверью послышались чьи-то шаги, Гуля отчетливо их услышала – будто кто-то поднялся к ним на крыльцо. Снежок залаял и стал наскакивать на дверь, изо всех сил пытаясь ее открыть лапами.

– Кто-то пришел, – тихо сказала Гуля и направилась к двери.

И тут баб Дуся подскочила к ней, схватила за руку и оттолкнула от двери. Гуля непонимающе посмотрела на нее. Баб Дуся подошла к двери и проверила, хорошо ли закрыт засов. Снежок подбежал к девочке и заскулил, ему тоже хотелось идти гулять, и он тоже не понимал, почему дверь закрыта.

– Нельзя тебе туда идти! – громким шепотом произнесла баб Дуся.

Она округлила глаза, сжала губы, вид ее стал устрашающим.

– Нельзя у нас после заката по улицам шататься! Нельзя! Запомни это раз и навсегда!

– Почему? – испуганно прошептала Гуля.

Взгляд баб Дуси стал таким жутким, что девочка испугалась. Баб Дуся, заметив это, немного смягчилась, взяла внучку за руки и проговорила:

– Места тут такие. Днем, кажется, все как обычно, – де-

ревня, как деревня: лес, озеро, свежий воздух. А как ночь на землю опускается, то выходят они... Ходят по деревне, живую кровушку ищут. Кого на пути своем встретят – хватают и в озеро тащат. Много непутевых да непослушных людей, а особенно детей, так свою погибель нашли.

– Что? – хрипло проговорила Гуля, – бабушка, это шутка такая что ли?

– Не до шуток мне, Гуленька, – выдохнула баб Дуся.

Гуля обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, сотрясающую ее тело.

– Как же вы тут живете? Почему не уйдете отсюда? – спросила она.

Баб Дуся всплеснула руками.

– Да куда идти-то, милая моя? Тут наши дома, огороды, скотина. Бросить все и идти туда, где мы, заозерцы, никому не нужны? Нет, уволь, мы лучше здесь будем жить, как жили. А то, что по соседству с ними... Так привыкли мы!

– Кто же они такие? – едва дыша спросила Гуля.

Баб Дуся склонила к ней загадочное лицо и прошептала:

– Мертваки. Кожа у них гнилая, черная, глаза пустые, водой залитые, руки и ноги – кривые, скрюченные.

Гуля отпрянула от нее и зажмурилась от страха.

– Бабушка! Да какие еще мертваки? Пугаешь ты меня, что ли? – испуганно воскликнула Гуля.

– Самые настоящие! Больно нужно мне тебя пугать! – серьезно ответила баб Дуся, – Говорю же, Гуленька! Места

здесь такие – нечистые.

Гуля не хотела поддаваться страху, но когда за дверью снова послышались шаги, она задрожала всем телом и, обхватив себя руками, попятилась назад.

– Помнишь, я тебе говорила, что Черное озеро людей на дно тянет? Тянет ещё как! А знаешь, почему? Там, на дне, чудище ненасытное сидит, Водяницей зовется. Оно-то живых на дно к себе и тащит.

Баб Дуся, увидев, что Гуля побледнела, как снег, замолчала и шумно вздохнула. Не зная, чем занять руки, она подошла к комоду и поправила на нем белую ажурную салфетку.

– А домой к нам мертвяки не зайдут? – еле слышно спросила Гуля.

– Нет. Дома можешь ничего не бояться. Деревянные стены для мертвяков – непреодолимая преграда. Они их боятся, принимают за гробы.

Гуля села на лавку, напряженно уставившись на запертую дверь. Перед ее глазами рисовались жуткие картинки, навряд ли тех, что она видела в фильме про зомби. Она никогда не верила в те страшилки и ужастики, которыми делились друг с другом ребята в ее дворе, она считала, что все это глупость, детские выдумки. Но теперь ей казалось, что десятки и сотни восставших из могил мертвецов идут к дому баб Дуси, вытянув вперед, свои длинные костлявые руки...

– Не бойся, Гуленька, я с тобой. Просто свыкнись с тем, что по вечерам мы будем с тобой сидеть дома и развлекать

друг друга разговорами. Тут все так живут, ты тоже привыкнешь, – уже спокойнее сказала баб Дуся.

Она улыбнулась, похлопала Гулю по плечу и ушла на кухню. Девочка вздохнула, крепко обняла Снежка, который глухо рычал и косился на запертую дверь, за которой до сих пор слышались чьи-то шаги.

Весь мир Гули в тот вечер вновь перевернулся с ног на голову.

Прошло несколько дней с тех пор, как баб Дуся рассказала Гуле тайну Заозерья. Поначалу Гуля боялась выходить на улицу, но баб Дуся успокоила ее:

– Днем ничего не бойся. Днем мертвяки крепко спят. Вон, твой пес сидит и хвостом машет – значит, не чувствует он их, не боится.

С трудом пересилив себя, Гуля вышла на улицу. Снежок радостно залаял, напрыгнул на нее, приглашая играть, и тут же помчался за бабочкой-капустницей, присевшей на цветок. Гуля улыбнулась Снежку, бросила мячик, и пес помчался за ним, громко лая.

Погода стояла прекрасная – солнце золотило воду Черного озера, оно было таким спокойным и безмятежным, что Гуля не могла представить, что на его дне спят какие-то жуткие мертвяки. Это казалось бредом, бабушкиной выдумкой. Гуля даже хотела спуститься к озеру, доказать себе, что может, но передумала. Легкий ветер трепал листву деревьев, от

этого казалось, что деревья шепчутся о чем-то между собой. За деревней на лугу паслись козы и коровы. Кругом царила насыщенная, яркая, самобытная красота, которую можно увидеть и прочувствовать только в таких маленьких, всеми забытых, деревушках, как Заозерье.

– Жаль, что мама всего этого не увидит! Как же мне одиноко без нее, – прошептала Гуля.

Она позвала Снежка и пошла с ним по узким улочкам, здороваясь со всеми стариками, которые встречались ей на пути. Но, к своему удивлению, она не встретила на улице ни одного своего ровесника. Вернувшись домой, Гуля спросила у баб Дуси:

– Бабушка, у вас тут что – деревня стариков? Я не видела никого из детей, пока гуляла.

– Нет тут детей. Давно уж нет. Я разве тебе не говорила? Редко кто-нибудь заедет погостить, да и то ненадолго остается. Потому что нечего детям в такой глуши делать, – в глазах у бабушки Гуля заметила смутную тень, – такая вот у нас особенная деревня.

Это прозвучало странно и даже жутко, но Гуля не испугалась, а, скорей, разозлилась. Ей очень не хватало друзей, в городе их у нее был целый двор.

– Чудесно! – расстроено воскликнула девочка, – а в школу-то я вообще пойду? Или ну ее, эту школу? Ведь самое главное – научиться жить по соседству с мертвяками!

– Не ерничай, Гуля! – строго прикрикнула баб Дуся, –

За озером все есть, и школа – тоже. Обожди нервничать, до школы-то еще дожить надо, все лето впереди.

Гуля окончательно сникла. Она ничего не ответила и ушла в свою комнату. Вечернее солнце светило в окно, и от этого в тесной комнатухе было душно. Открыв окно, она легла на кровать, обиженно надула губы и не заметила, как уснула.

Проснулась Гуля от того, что над ней звенели комары. Лицо и руки уже зудели от укусов. Почесав искусанное лицо, Гуля открыла глаза. Занавески, как обычно, были плотно задернуты, и в комнате было темно и тихо, лишь за стенкой тикали бабушкины часы. Над Заозерьем плыла ночь – черная, тягучая и тяжелая, как все ночи здесь. Она подбиралась к дому и густой жижей затекала в открытое окно, которое Гуля не закрыла с вечера. Девочка опустила руку и нащупала спящего на полу Снежка. Когда ему было жарко, он всегда ложился на пол.

Встав с кровати, Гуля подошла к окну, чтобы закрыть его. Несколько секунд она стояла в растерянности, не решаясь отдернуть занавеску. Ей было страшно увидеть за окном то, о чем рассказывала бабушка – какого-нибудь жуткого мертвяка с гниющей кожей и выпученными глазами. Гуля прижала дрожащие пальцы к губам и зажмурилась. Внезапно из открытого окна послышался тихий голос. Гуля замерла, не веря своим ушам.

– Иди сюда! Пойдем поиграем? Давай руку!

Голос был тонкий, он принадлежал ребенку. Гуля стояла за занавеской и тряслась всем телом, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать от страха.

– Иди же!

Гуля прижала ладони к ушам, чтобы не слышать этот странный зов. Но тут Снежок, почуяв незваного гостя, вскочил, глухо зарычал и бросился к окну. Запрыгнув на подоконник, пес громко и отчаянно залаял. И не успела Гуля схватить его за ошейник, как он уже выскочил на улицу.

– Снежок! – что есть сил закричала Гуля.

На шум в комнату прибежала баб Дуся. Гуля вцепилась в бабушку, взгляд ее был испуганный и дикий:

– Бабушка! Окно было открыто, Снежок выпрыгнул и убежал. Он услышал кого-то! Что делать, бабушка?

Баб Дуся отстранилась от Гули, губы ее сурово сжались, брови нахмурились.

– Ничего, – сухо ответила она, – набегается и вернется назад.

Гуля опустила руки, и они безвольно повисли вдоль туловища, точно две длинные веревки.

– Ты, что же, никак не поможешь ему? – выдохнула Гуля.

Баб Дуся укоризненно взглянула на внучку и покачала головой.

– Чем я ему помогу? Не в окно же мне за ним прыгать!

Гуля села на кровать и обхватила руками голову. Из глаз

ее непрерывным потоком покатались слезы. Снежок – это все, что связывало ее нынешнюю жизнь с прежней, Снежок напоминал ей о маме. Снежок был ее другом, самым близким и родным, он всегда был рядом с ней. Если с ним что-то случится, как она будет жить дальше? Баб Дуся закрыла окно, задернула занавеску и, не обращая внимания на Гулю, пошла на кухню.

– Принесу тебе воды. Хватит рыдать, ничего с твоим псом не случится!

Гуля судорожно всхлипнула, подошла к окну и, сжав зубы, снова распахнула оконные створки. Ночь холодной прохладой коснулась ее лица, в ноздри ударил запах мокрой травы и озерной воды. Гуля всмотрелась в темноту, но ничего не увидела перед собой. Она задрожала – то ли от страха, то ли от влажной ночной прохлады. И тут вдалеке послышался собачий лай.

– Снежок! – крикнула Гуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.